

От м. Ежова

58
77

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

ТОВ. С Т А Л И Н У .

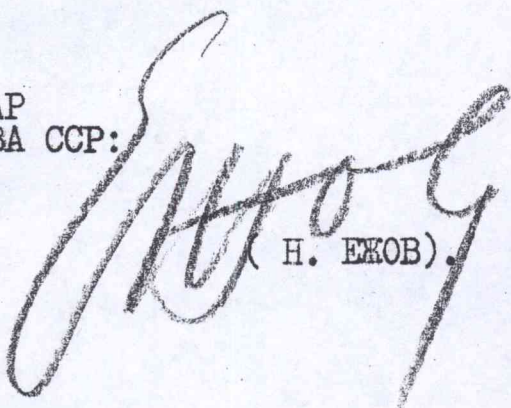
Направляю протокол допроса арестованного РОММА В.Г. (бывший корреспондент газеты "Известий" ЦИК СССР в САСШ), от 8-го декабря с.г.

РОММ показал, что с 1930 года он был связан по контрреволюционной троцкистской работе с РАДЕКОМ и выполнял роль связиста между, так называемым, "запасным центром" и Л.СЕДОВЫМ, и ТРОЦКИМ.

В 1933 году РОММ виделся с ТРОЦКИМ в Париже, передал ему информацию РАДЕКА и получил от ТРОЦКОГО письменные директивы членам "запасного центра".

Эти директивы РОММОМ были вручены РАДЕКУ.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(Н. ЕЖОВ).

"16" декабря 1936г.

№ 59042

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

РОММ, Владимира Григорьевича,

от 8 декабря 1936 года.

РОММ В.Г., 1896 г. рождения, урож. гор. Вильно, еврей, гр-н СССР, образование среднее, член ВКП/б/ с декабря 1918 г. В 1921 г. Всеукраинской комиссией по чистке был исключен из ВКП/б/ за бюрократизм и высокомерие. В январе 1922 г. был восстановлен Центральной Контрольной Комиссией в Москве, специальный корреспондент газеты "Известий" ЦИК СССР в САСШ.

Вопрос: Следствие вас изобличает в том, что вы являлись активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации.

Признаете ли вы себя в этом виновным?

Ответ: Да, признаю. Еще перед возвращением в Союз я пришел к решению сказать партии всю правду. Я добивался быть принятым тов. ЕЖОВЫМ, но был арестован до того, как мне это удалось.

Вопрос: Что вы хотели сообщить тов. ЕЖОВУ?

Ответ: Что, будучи связан с этой контрреволюционной организацией, я был втянут в нее РАДЕКОМ, с которым был тесно связан еще в 1926-1927 г.г. по фракционной деятельности того периода - я выполнял поручения по связи между "параллельным" троцкистским центром, существовавшим на территории Союза и Троцким и его доверенными лицами.

Вопрос: В чем выражалась Ваша троцкистская деятельность в 1926-27 годах?

Ответ: Во-первых я был связан с троцкистско-зиновьевской группой в ВЦСПС, где я тогда работал в качестве заведующего иностранным отделом газеты "Труд", которая в тот период при попустительстве правого руководства ВЦСПС, т.е. ТОМСКОГО и других, в частности ЯГЛОМА, являвшегося ответственным редактором газеты - по ряду вопросов являлась фактическим рупором оппозиции.

Газета по существу была в троцкистских руках и фактическим хозяином в ней был Г.ВАЛЕНТИНОВ, один из руководителей троцкистской группы ВЦСПС. Моя троцкистская деятельность выражалась в использовании газеты для проведения антипартийных установок по международным вопросам. Во-вторых, в течение всего этого периода, я был теснейшим образом связан с Радеком, с которым знаком с 1922 года и которому в 1926-1927 г.г. оказывал содействие в ряде дел, связанных с борьбой против партии, как-то: проведение в "Труде" троцкистских установок по ряду вопросам, помещение его статей в газете, переводы фракционных документов на иностранные языки. РАДЕК периодически у себя на квартире давал мне общую ориентировку и информацию.

Вопрос: Были ли перерывы в Вашей связи с РАДЕКОМ?

Ответ: Да, осенью 1927 года я был командирован в Японию в качестве корреспондента "ТАСС", перед моим отъездом РАДЕК сказал мне, что я должен рассматривать свою командировку, как "ссылку" и что мне следует по прибытии немедленно связаться с ПУТНА, который уже находится в Токио в качестве военного атташе, что я и выполнил.

Вопрос: Была ли Вами установлена связь с ПУТНА?

Ответ: Да, Я передал ему экземпляр платформы оппозиции и информировал его о последних событиях того момента. ПУТНА между прочим рассказал мне о посещении его в Москве перед отъездом в Японию в 1927 г. ТРОЦКИМ, ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ, И.Н.СМИРНОВЫМ, ПЯТАКОВЫМ и РАДЕКОМ, в виде демонстрации сочувствия, как "ссылному".

Вопрос: Продолжали ли Вы поддерживать связь с троцкистами, находясь в Японии?

Ответ: После моего отхода от оппозиции и подачи мною заявления о подчинении решениям ХУ съезда, я получил, если не ошибаюсь в феврале 1928 года открытку от РАДЕКА из Тобольска. В этой открытке, завуалированной в форму прозрачного упрека в "малодушии" содержалось недвусмысленное указание на то, что "дело не кончено" и что РАДЕК мыслит себе возобновление в каком-то виде борьбы против партии. Я показал открытку ПУТНА, который тогда сообщил мне, что он еще гораздо раньше имел такого рода указание от ЗИНОВЬЕВА и ТРОЦКОГО, которые предлагали отход от оппозиции применять как маневр для сохранения кадров. Мы приняли сообщение РАДЕКА к сведению, но учитывая цензурные условия, я РАДЕКУ ничего не ответил. На этом моя связь с РАДЕКОМ прервалась до момента моего возвращения из Японии в августе 1930 года.

Вопрос: Выезжали-ли Вы в Советский Союз из Японии?

Ответ: Нет, я в Японии был непрерывно с октября 1927 по июль 1930 года.

Вопрос: Была ли Вами установлена связь с РАДЕКОМ по прибытии из ЯПОНИИ?

Ответ: Да, РАДЕК звонил мне в ТАСС и я немедленно выразил готовность с ним встретиться, тем более, что во встрече с человеком не только восстановленным в рядах ВКП/б/, но уже тогда снова являвшимся публицистом по международным вопросам, не было ничего хотя-бы внешне предосудительного. Встреча имела место у него на квартире на Остоженке.

Вопрос: О чем Вы говорили с РАДЕКОМ?

Ответ: Всех деталей точно сейчас не припомню. Часть беседы шла на международные темы, но разумеется значительная часть беседы касалась прошлой борьбы против партии и настоящего положения в партии. Общее мое впечатление от РАДЕКА могу суммировать следующим образом: полной ясности у него не было, но очень четко выпирала концепция, что осуществление первой пятилетки - это не дальнейшее развертывание прежней линии партии, а "левый поворот", иначе говоря, что партия разгромив оппозицию, одновременно усвоила часть ее установок. Далее из высказываний РАДЕКА было ясно, что он думает над путями, на которых было бы возможно добиться руководящего положения в партии. РАДЕК далее заметил, что у СТАЛИНА нет хорошего штаба, отозвавшись довольно пренебрежительно о круге ближайших помощников СТАЛИНА. В этой связи он высказал мысль, что "нам" /подразумевались вернувшиеся в партию троцкистские лидеры/ нужно постепенно стать его штабом, с целью взятия в свои руки руководства партией.

Вопрос: Вы согласились с установкой РАДЕКА?

Ответ: Я тогда никакой определенной позиции не занял, так как мои собственные настроения были еще очень запутанными. С одной стороны практическая светская работа, которую я вел в Японии, захватила меня в очень значительной мере, а трехлетний отрыв от прямого воздействия троцкистских кругов

влият в том же направлении. С другой стороны трудности социалистического строительства, которые я наглядно увидел, когда вернулся в Союз, подействовали на меня в направлении оживления всех моих старых троцкистских настроений и установок. Я не мог не понять, что это мнение РАДЕКА находится в прямой связи с его указанием, полученным мною в Японии, именно, что "дело не кончено". Таким образом уже один тот факт, что я никому и никуда не сообщил об указанных высказываниях РАДЕКА был актом двурушничества и тем самым объективно предрешал мое возвращение на путь активной борьбы против партии.

Вопрос: Кто присутствовал при этом разговоре?

Ответ: Никто. Разговор происходил наедине. Однако, когда мы затем вместе вышли на площадь б. храма Христа Спасителя, нам повстречался секретарь ЗИНОВЬЕВА - БОГДАН. В короткой беседе, которая тут имела место между РАДЕКОМ и БОГДАНОМ, РАДЕК интересовался здоровьем и моральным состоянием ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА и просил сказать "обоим Вашим старикам", чтобы берегли свои силы и что они еще "понадобятся", а когда БОГДАН ушел, РАДЕК сказал мне: "им /т.е. Зиновьеву и Каменеву/ не верят потому, что они вернулись до левого поворота, а нам верят /нам, т.е. троцкистам, вернувшимся одновременно и вместе с РАДЕКОМ/ верят потому, что мы пришли уже после левого поворота. На мой вопрос - как же он все-таки мыслит дальнейшие перспективы. РАДЕК в общей форме сказал, что надо держаться вместе и просил поддерживать с ним связь, т.к. мои услуги или помощь могут ему понадобиться по части заграничных связей. Он указал, что контакт нам с ним поддерживать тем легче, что мы оба работаем в области международной

политики /я в тот момент был уже назначен корреспондентом ТАСС в Женеву/ и что поэтому ничего подозрительного в этом контакте никто не увидит. В конце августа 1930 года я уехал в Женеву и РАДЕКА не видел до весны 1931 года, до своего приезда в Москву в командировку.

Вопрос: Какие беседы Вы вели с РАДЕКОМ в этот приезд?

Ответ: Мы говорили сначала на международные темы, в частности о наметившемся уже в тот момент поворота французской политики к менее враждебной в отношении СССР позиции. Разговор коснулся затем писаний ТРОЦКОГО того периода, которые я читал за границей и с которыми РАДЕК был также знаком. В частности мы говорили о выступлениях ТРОЦКОГО против "слишком быстрых темпов" индустриализации. В эти встречи, их было, если не ошибаюсь, две или три - мое впечатление от общих настроений РАДЕКА было таково, что они представлялись гораздо более заостренными против партии и ее руководства, чем в момент предыдущей встречи в 1930 году.

Вопрос: Что именно говорил Вам РАДЕК?

Ответ: РАДЕК характеризовал создавшееся положение как "режим личной диктатуры СТАЛИНА" при полном уничтожении всякой внутрипартийной демократии" и что прогноз ТРОЦКОГО оправдался. Я согласился с оценкой РАДЕКА.

Вопрос: С кем из троцкистов весной 1931 года Вы встречались за границей?

Ответ: При своих проездах через Берлин и остановках там, я встречался с ПУТНА, который был военным атташе в Германии.

Вопрос: Какие беседы Вы вели с ПУТНА?

Ответ: Мы много говорили об опасности войны, о наших внутренних затруднениях, которые мы оба видели в сильно преувеличенном свете. ПУТНА очень много говорил о том, что ему не дают в армии работы того масштаба, какого он заслуживает, жалуясь на отношение к нему ВОРОШИЛОВА.

Вопрос: Когда и где произошел этот разговор?

Ответ: Разговоры эти были большей частью у ПУТНА на квартире, в помещении полпредства и в разное время.

Вопрос: Был ли ПУТНА Вами информирован о настроениях РАДЕКА?

Ответ: Нет, я ему ничего не рассказывал, т.к. РАДЕК меня об этом не просил.

Вопрос: Вы сообщили РАДЕКУ о Вашей встрече с ПУТНА?

Ответ: Да, он спросил меня, часто ли я виделся с ПУТНА и каковы его настроения и я в общих чертах о них РАДЕКУ рассказал.

Вопрос: Интересовался ли РАДЕК тем, говорили ли Вы с ПУТНА о его троцкистских настроениях?

Ответ: Да. Когда я РАДЕКУ ответил, что говорил лишь вскользь, т.к. считал нашу беседу сугубо секретной - РАДЕК выразил некоторое разочарование, сказав, "ПУТНЕ вполне могли сказать".

Вопрос: Где происходила эта беседа?

Ответ: На квартире РАДЕКА.

Вопрос: Когда Вы снова уехали за границу?

Ответ: В начале мая 1931 года.

Вопрос: Получили ли Вы от РАДЕКА какие либо директивы при отъезде?

Ответ: Никаких определенных указаний от РАДЕКА я не получил, он указал только на то, что я должен быть готовым если нужно будет помочь ему в смысле связи.

Вопрос: Направляясь в Женеву, Вы останавливались в Берлине?

Ответ: Да, останавливался.

Вопрос: Вы встречались с ПУТНА в Берлине?

Ответ: Да, встречался у него на квартире.

Вопрос: Где Вы проживали в Берлине в этот приезд?

Ответ: Я обычно останавливался в советском пансионе на Гейзбергштрассе.

Вопрос: Вы информировали ПУТНА о настроениях РАДЕКА?

Ответ: Да, все подробно.

Вопрос: Что Вам на это ответил ПУТНА?

Ответ: ПУТНА придал этой информации очень большое значение и сказал, что эту позицию РАДЕКА надо учесть и довести до сведения ТРОЦКОГО.

Вопрос: Кто должен довести?

Ответ: Я понял, что это намерен сделать сам ПУТНА.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: ПУТНА рассказал мне о том, что он летом 1931 года встретился в Берлине с И.Н.СМИРНОВЫМ, который информировал его, что им, СМИРНОВЫМ, установлена связь с ТРОЦКИМ через СЕДОВА, которого он информировал о состоянии троцкистского подполья в СССР и от которого получил директивы о создании блока с

виновъевцами и переходе к террористическим методам борьбы против руководства ВКП/б/, в первую очередь против СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА.

Вопрос: Был ли ПУТНА организационно связан с СЕДОВЫМ?

Ответ: По слова ПУТНА, его свел с СЕДОВЫМ И.Н.СМИРНОВ.

Вопрос: Получил ли лично ПУТНА директивы от СЕДОВА на организацию террористических актов против руководителей партии?

Ответ: По словам ПУТНА, он получил указания передать МРАЧКОВСКОМУ директиву о терроре, который надлежит организовать в первую очередь против СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА и о развертывании троцкистской работы в армии.

Вопрос: Кто намечался физическим исполнителем террористических актов?

Ответ: Об этом мне ничего сказано не было, но по всему было ясно, что будут использованы троцкисты-военные.

Вопрос: Как Вы лично отнеслись к террористической директиве ТРОЦКОГО?

Ответ: Сначала это меня ошеломило и самая мысль об индивидуальном терроре показалась мне дикой в свете всего чему я учился. Однако я начал с ней свыкаться и когда днем или двумя позже ПУТНА устроил мне встречу с СЕДОВЫМ, по просьбе последнего, у меня уже не оказалось никаких доводов против идеи террора против руководства ВКП/б/.

Вопрос: Где у Вас произошла встреча с СЕДОВЫМ?

Ответ: В зоологическом саду в БЕРЛИНЕ.

Вопрос: Расскажите содержание Вашей беседы с СЕДОВЫМ?

Ответ: Я подробно рассказал СЕДОВУ о своих беседах с РАДЕКОМ и о настроениях последнего, а также о беседе РАДЕКА с БОГДАНОМ. СЕДОВ выслушал мою информацию с большим удовлетворением и сказал, что ТРОЦКИЙ не сомневался никогда в РАДЕКЕ. СЕДОВ просил меня взять на себя в нужный момент установление контакта с РАДЕКОМ и заручившись моим согласием, взял мои адреса в Париже и Женеве, сказав, что даст мне знать когда нужно будет.

Вопрос: Сообщил ли Вам СЕДОВ о новых установках ТРОЦКОГО?

Ответ: Да, он повторил только подробнее все то, что мне уже сообщил ПУТНА, т.е. установку ТРОЦКОГО на террор против руководства ВКП/б/ и о необходимости объединения с зиновьевцами.

Вопрос: ПУТНА присутствовал при этом разговоре с СЕДОВЫМ?

Ответ: Да, присутствовал.

Вопрос: Вы после этой беседы с ПУТНА встречались?

Ответ: Нет, я ПУТНА с тех пор не видел, т.к. уехал в Женеву и в Париж, а он вскоре уехал в СССР.

Вопрос: Зачем нужно было СЕДОВУ передавать Вам для РАДЕКА установку ТРОЦКОГО, в то время когда ПУТНА готовился к выезду в Советский Союз!

Ответ: Вопрос о сроках возвращения ПУТНА в Союз был еще не совсем ясен, с другой стороны СЕДОВ сказал мне, что хотя у них имеются и другие возможности, не бесполезно на всякий случай иметь еще одну запасную возможность связи.

Вопрос: СЕДОВ сообщил Вам свой адрес для переписки с ним?

Ответ: Он дал мне № "Лагеркартэ", т.е. карточки с №, по которой можно получать корреспонденцию "до востребования" без

указания фамилии, или каких либо иных данных, кроме № указанной карточки. Данная карточка тогда была на почтовое отделение, если не ошибаюсь, на "Францезише штрассе" № карточки я не помню.

Вопрос: После встречи с СЕДОВЫМ в Берлине Вы куда выехали?

Ответ: В Женеву, где пробыл несколько недель, а затем выехал в Париж, где принял Парижское отделение "ТАСС", заведение которым я совмещал с работой в Женеве по сентябрь 1932г. В Париже я жил на квартире, где помещалось отделение "ТАСС" на улице "Рю де Вожирарь" № 48, неоднократно выезжая в Женеву на сессии Лиги Наций.

Вопрос: Вы РАДЕКУ сообщили о своей встрече с СЕДОВЫМ и новых установках ТРОЦКОГО?

Ответ: Нет не сообщил, т.к. в Москву в этот период не ездил и РАДЕКА не видел до февраля 1932 года.

Вопрос: Где Вы встретились с РАДЕКОМ в феврале 1932 года?

Ответ: Я встретился с ним в Женеве, куда он приехал в составе советской делегации на конференцию по разоружению.

Вопрос: Где проживал РАДЕК в Женеве?

Ответ: В первый свой приезд в феврале он жил с делегацией в гостинице "Бритиш Пансион". Свой второй приезд после прерыва работ конференции, если не ошибаюсь, в апреле или в конце марта, РАДЕК остановился у меня на квартире в доме № 121 по "Рю де Лозан".

Вопрос: Вы информировали РАДЕКА о своей встрече с СЕДОВЫМ и существовании директив ТРОЦКОГО на террор и объединение с зиновьевцами?

Ответ: Незадолго до моего выезда из Парижа в Женеву я получил местное письмо от СЕДОВА. В конверте оказалась небольшая записка СЕДОВА с просьбой передать РАДЕКУ в Женеве письмо в запечатанном виде, находившееся в том же конверте. В то время о предстоящем приезде РАДЕКА в Женеву уже были сообщения в европейской прессе, ввиду тех затруднений, которые в отношении этого приезда чинили швейцарские власти. При встрече с РАДЕКОМ, я передал ему это письмо и одновременно подробно рассказал ему о своей встрече с СЕДОВЫМ в Берлине при содействии ПУТНА.

Вопрос: От кого исходило письмо, адресованное РАДЕКУ?

Ответ: Письмо было от ТРОЦКОГО.

Вопрос: РАДЕК Вас ознакомил с содержанием письма?

Ответ: Да, ознакомил.

Вопрос: Изложите его содержание.

Ответ: Оно сводилось к следующему: продолжение борьбы против СТАЛИНА старыми средствами, т.е. пропагандой, как 5 лет назад беспредметно и ни к чему привести не может из чего вытекает необходимость перехода к террористическим методам для устранения СТАЛИНА и руководящей головки ЦК ВКП/б/. Из этого далее, как помнится, выводилась необходимость создания надежных террористических кадров, а также объединение с виновьевцами. Помню, что в письме доказывалось, что в данных условиях террор не авантюра, а вполне реальный метод.

Вопрос: Как реагировал РАДЕК на директиву ТРОЦКОГО?

Ответ: По моему впечатлению, РАДЕК отнесся к указаниям ТРОЦКОГО в целом положительно, ибо после некоторого молчания сказал, что режим установленный СТАЛИНЫМ не оставляет ни-

каких других путей, кроме самых крайних.

Вопрос: С кем из троцкистов РАДЕК встречался в ЖЕНЕВЕ?

Ответ: Мне ничего об этом неизвестно.

Вопрос: РАДЕК ответил ТРОЦКОМУ на присланное письмо?

Ответ: Я дал ему по его просьбе берлинский адрес для писем СЕДОВУ, но писал ли он, мне об этом неизвестно.

Вопрос: Какова была дальнейшая судьба письма ТРОЦКОГО?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: Когда и где произошла Ваша следующая встреча с РАДЕКОМ?

Ответ: Следующая встреча с РАДЕКОМ была в Москве у него на квартире в доме правительства в сентябре 1932 года.

Вопрос: Какие беседы с Вами вел РАДЕК в этот приезд?

Ответ: Радек сообщил мне, что директивы ТРОЦКОГО проводятся в жизнь, что переговоры о блоке с зиновьевцами ведутся и что зиновьевцы настаивают на центре в составе: ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, БАКАЕВА, ЕВДОКИМОВА, Н. СМИРНОВА, МРАЧКОВСКОГО и ТЕР-ВАГАНЬЯНА.

Вопрос: Намечался ли РАДЕК и ПЯТАКОВ в центр троцкистско-зиновьевского блока.

Ответ: Как объяснил мне РАДЕК, он и ПЯТАКОВ в центр не намечались ввиду того, что они, как люди находящиеся вне подозрений и пользующиеся доверием партии, могли действовать с большой пользой, не будучи непосредственно связаны с центром блока, состоявшим из людей скомпрометированных неоднократно. В то же время РАДЕК выражал опасения, что преобладание зиновьевцев в самом центре может привести

к их преобладанию на местах и что в случае захвата власти виновьевцы могут вытеснить троцкистов с руководящих позиций. РАДЕК далее сообщил мне, что он и ПЯТАКОВ пришли к выводу, что целесообразно создать "параллельный центр" с преобладающим влиянием троцкистов и что создание такого центра имеет то преимущество, что на случай провала первого центра, будет налицо готовый действующий центр. В этот центр намечались ПЯТАКОВ, РАДЕК, СОКОЛЬНИКОВ, СЕРЕБРЯКОВ. Было решено использовать мой выезд обратно в Женеву и запросить по этим вопросам указания Троцкого. РАДЕК перед моим отъездом вручил мне книгу на немецком языке, в переплет которой было вложено письмо для Троцкого.

Вопрос: Вам было известно содержание письма?

Ответ: - Точно не было известно, но из предшествовавших бесед я мог сделать вывод, что оно содержало не только запрос указаний по поводу "параллельного центра", но и подробную информацию о всей деятельности действующего центра.

Вопрос: Кто подписал письмо?

Ответ: - Не знаю, т.к. при писании письма меня не было, но РАДЕК мне сказал, что оно исходит от него и ПЯТАКОВА.

Вопрос: Вы с ПЯТАКОВЫМ были лично организационно связаны?

Ответ: - Нет.

Вопрос: С кем из троцкистов, кроме РАДЕКА, Вы встречались в этот проезд?

Ответ: - Я виделся с РЕЙНГОЛЬДОМ, которого я давно знал еще по 16-й армии, у него на квартире. В ходе бесед о

внутреннем положении СССР, РЕЙНГОЛЬД мне сообщил то, что мне сказал Карл РАДЕК о блоке и центре троцкистско-зиновьевского блока и предложил мне связаться с Зиновьевым и Каменевым, от чего я отказался, т.к. был связан с РАДЕКОМ и не видел смысла в том, чтобы связываться с Каменевым и Зиновьевым. РЕЙНГОЛЬД настаивал, указывая на мои возможности в смысле связи с границей, но перестал настаивать, когда я ему намекнул, что уже оказываю подобные услуги, не вдаваясь в подробности.

Вопрос: РЕЙНГОЛЬД в своих показаниях от 27/УП-1936 г. говорил о том, что именно Вы, РОММ, являлись связывающим звеном Зиновьева и Троцкого, подтверждаете ли Вы это?

Ответ:- Как я уже Вам сказал в самом начале допроса, я не собираюсь ничего скрывать. Показание РЕЙНГОЛЬДА я, однако, отрицаю просто потому, что оно фактически не верно в той мере, в какой речь идет обо мне, т.к. я никогда не осуществлял связь между Зиновьевым и Троцким, а осуществлял связь, как я уже показал, между РАДЕКОМ и ТРОЦКИМ. Вероятно РЕЙНГОЛЬД или перепутал, или быть может узнав гораздо позднее из других источников о моей связи с Троцким, пришел к выводу, что я ее осуществляю по поручению Зиновьева.

Вопрос: А с ЗИНОВЬЕВЫМ Вы имели встречи?

Ответ:- Я видел его один раз в 1930 г., зайдя к нему по просьбе БОГДАНА, по моем возвращении из Японии. Разговор мой с Зиновьевым носил весьма общий характер, не выходя за рамки общих двуручнических установок на возобновление борь-

бы против партийного руководства. С тех пор я Зиновьева больше не видел.

Вопрос: Вы информировали РАДЕКА о Вашей беседе с Зиновьевым?

Ответ: - Не помню, успел ли это сделать перед отъездом, как будто нет.

Вопрос: А в последующих встречах?

Ответ: - Нет, так как это уже не имело значения.

Вопрос: Кому Вы вручили письмо РАДЕКА и ПЯТАКОВА, адресованное Троцкому?

Ответ: - При проезде в Женеву через Берлин, я с вокзала по условленному адресу направил СЕДОВУ книгу, указав в отдельном письме - где находится письмо РАДЕКА и ПЯТАКОВА. После этого я опять поехал в Женеву и бывал в Париже лишь наездами, имея указания от "ТАСС" бывать там в промежутках между женевскими сессиями. В Москву я поехал опять в июле 1933 года через Париж.

Вопрос: Получили ли Вы от Троцкого директиву для сообщения РАДЕКУ и ПЯТАКОВУ на поставленные ими вопросы?

Ответ: - Да, получил лично от Троцкого в Париже перед своим выездом в Москву.

Вопрос: Каким образом Вы установили связь с Троцким?

Ответ: - Во второй половине июля 1933 г. незадолго до моего отъезда в Москву, когда я был в Париже, мне позвонил по телефону СЕДОВ и назначил мне встречу в кафе "Клозери де Лилас" на бульваре "Мон Парнас".

При встрече с СЕДОВЫМ в названном кафе, СЕДОВ, узнав, что я скоро еду в Москву, сказал мне, что его отец приехал из Турции и ввиду моего предстоящего отъезда он хочет ускорить устройство ему встречи со мной. Мы условились, что он мне даст знать о времени встречи.

Через несколько дней СЕДОВ снова позвонил и узнав, что я еду в последних числах июля, назначил мне свидание несколькими днями позже в том же кафе, откуда повез меня на автомобиле в Булонский лес, где в одной из аллей встретили Троцкого.

Вопрос: Изложите в деталях Вашу беседу с Троцким?

Ответ: - Троцкий начал беседу с того, что хочет высказать свое мнение по поводу письма к нему РАДЕКА и ПЯТАКОВА. Он сказал, Опасения о возможном усилении влияния зиновьевцев основательны, но они могут быть опасны только в том случае, если троцкисты не проявят должной активности.

Мысль о создании параллельного центра совершенно правильна, но если он будет только запасным - это будет миф. Преобладающее влияние в запасном центре должно остаться за троцкистами. Запасный центр должен развернуть в свою очередь активную работу, повести ее не разбросанно, а концентрированно, объединив вокруг себя в центре и на местах наиболее стойкие и идейные кадры.

Троцкий выразил свое неудовлетворение тем, что создан один центр, формируется второй, а реальных плодов их работы пока не видно.

Говоря о необходимости форсирования подготовки к террористическим актам, Троцкий подчеркивал, что особое значение приобретает и подрывная работа в промышленности.

Троцкий сказал, что на этом пути понятно встанут и уже встанут трудности. Наши люди в Союзе колеблются, ссылаясь на то, что диверсии сопряжены с гибелью человеческих жизней - так вот, сказал он, надо чтобы они поняли, что "революция без жертв не делается", надо создать такие условия, при которых: летчик садясь на самолет, танкист на танк, моряк спускаясь в шахты, красноармеец надевая противогаз и артиллерист у своего орудия - ощущали глубочайшее недоверие к продукции сталинской пятилетки.

Говоря о необходимости применения самых крайних средств, Троцкий процитировал латинское изречение о том, что "чего не излечит лекарство, излечит железо, чего не излечит железо, излечит огонь".

Я недоуменно спросил Троцкого, как же все это понять, так как подобные акты будут подрывать обороноспособность страны и усиливать шансы поражения в войне с Германией, которая явно готовит нападение. Троцкий прямо заявил, что именно приход Гитлера к власти делает актуальной пораженческую линию, ибо именно военное поражение способно создать наиболее благоприятную обстановку для захвата власти, после чего с Гитлером не так уже трудно будет договориться - на основе привлечения германских капиталов в народное хозяйство СССР и ряда территориальных уступок. Вы скажете, сказал Троцкий, - что это означает реставрацию капитализма, но ведь и социализм в одной стране - утопия. Сейчас это яснее, чем когда бы то ни было. Вот в основном вся моя беседа с Л.Д. Троцким.

Вопрос: Какие либо поручения в Советский Союз Вам Троцкий дал?

Ответ: - Троцкий передал мне книгу Новикова-Прибоя "Цусима", указав, что в переплете книги вложено его письмо, в котором им даны подробные указания для РАДЕКА и ПЯТАКОВА, в том духе, в каком он говорил и просил привезти с собой их ответ. После этого я вернулся в Париж и спустя несколько дней через Лондон выехал в Москву, куда прибыл в начале августа.

Вопрос: Кому Вы вручили письмо Троцкого?

Ответ: - РАДЕКУ, у него на квартире в правительственном доме. Я изложил ему то, что слышал от Троцкого и поделился своими сомнениями по поводу столь крайних установок. РАДЕК усумнился - правильно ли я понял слова Троцкого.

В эту встречу РАДЕК сказал мне, что на полученном письмом он должен хорошенько подумать и поговорить кое с кем. Через два-три дня я уехал в Крым на отдых.

Вопрос: Встречались ли Вы с РАДЕКОМ по прибытии из Крыма?

Ответ: - Да, я видел его в последних числах сентября 1933 года, но беседа была очень короткой, т.к. я был вызван из отпуска до срока и в Москве пробыл полтора дня.

РАДЕК передал мне у себя на квартире письмо для Троцкого, вложенное в переплет книги на немецком языке и кратко сказал мне, что "параллельный центр принял установки Троцкого и приступает уже к активной террористической и подрывной деятельности."

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан, в чем и расписываюсь - Вл. РОММ.

ДОПРОСИЛ: ПОМ НАЧ ОТДЕЛА ОХРАНЫ ГУГБ НКВД -
СТ. МАИОР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ - АРНОЛЬДОВ.

В е р н о:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР УРО ГУГБ: *А. Галанский* (ГАЛАНСКИЙ)